

MAINSTREAM
COLLECTION

ЧИТАЙТЕ ПРОЗУ ЯКОВА ШЕХТЕРА:

Хождение в Кадис

Есть ли снег на небе

Он уже идет

Астроном

Астральная жизнь черепахи

Каббала и бесы

Поцелуй Большого Змея

Вокруг себя был никто

ЯКОВ ШЕХТЕР

ХОЖДЕНИЕ В КАДИС

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Ш54

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флоберium»

Миссия «Флобериума» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Шехтер, Я.

Ш54 Хождение в Кадис / Я. Шехтер. — М.: Флоберium /
RUGRAM, 2022. — 662 с. — (Mainstream Collection).

ISBN 978-5-521-92811-8

Новгородский отрок Афанасий воспитывается в монастыре как василиск — мститель и борец за восхождение на престол законного наследника — правнука великого Дмитрия Донского. Осуществить задуманное Афанасий не может. Не из-за трусости или бессилия — из-за равнодушия к трону престолонаследника. Обвиненный в ереси, Афанасий совершает побег и оказывается в Стамбуле, где открывает для себя эзотерические книги суфийских мудрецов. Ведомый судьбой, он не только атакует крепости госпитальеров Родосского архипелага, но и решает сложные вопросы: что есть вера и суеверие, как отличить друга от недруга, что есть грех и что — святость. Новые знания открывают перед ним невероятные возможности и становятся началом головокружительных приключений...

BIC FA
BISAC FIC000000

© Яков Шехтер, текст, 2022
© Александр Кудрявцев,
дизайн обложки, 2022
© ООО «Флоберium», 2022
© RUGRAM, 2022

ISBN 978-5-521-92811-8

«История — наставница жизни».

Цицерон

«Я, Геродот из Галикарнаса, собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния... не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели друи с другом войны».

Геродот

«Назначение истории в том, чтобы не потерять интереса к тем, кто жил до нас, кто страдал, радовался, воевал, побеждал, грешил, предавал и спасал под страхом смерти; кто умирал за любовь, за веру, за светлое будущее, наконец. И еще важно понять, «почему они вели войны друи с другом» и до сих пор остановиться не могут».

Роза Ляст

Часть I

ЕРЕСИАРХИ НОВГОРОДСКИЕ

Тускло звякнули кандалы. Афанасий проснулся. В нос шибануло зловонием: еще бы, которые сутки ходит под себя. Руки и ноги скованы, шею держит железный ошейник с короткой цепью, прикрепленной к кольцу в стене. Обложили, будто медведя, почти невозможно шевелиться.

Вокруг тьма египетская, только светится серая полоска окна под потолком узилища. Значит, уже утро. Или вечер. Он потерял счет времени.

— Афанасий, слышишь пение?

Брат Фекул из Юрьева монастыря. Тихий, невзрачный. Его-то за что сюда? Неужто и он мочился на иконы?

Перед глазами предстала картинка. Яркая, точно вчера виденная. Отец Григорий, высокий, дородный, с розовыми тугими щеками, густо обросший начинающей сесть бородой, ведет его, гостя, в отхожее место, первым поднимает испещренную жирными пятнами рясу, долго и с шумом выпускает струю, бесстыдно сопровождая громкими ветрами. Афанасий, морщась, занимает его место над зловонной дырой, но не успевает начать, увидев, как в глубине ямы светится золотом лик.

— Они, они, — басит отец Григорий. — Не ошибся.
Пораженный Афанасий отшатывается от ямы.
— Что, не можешь? — усмехается отец Григорий.
— Святые иконы, — шепчет Афанасий. — Святые иконы...

Больше он не в состоянии ничего вымолвить.

— Да где тут святость? — гремит отец Григорий. — Идольское порождение, погань языческая! Отцы наши Перуну кланялись, а мы другого истукана отыскиали. Только теперь шабаш, хватит. Пора православную веру возрождать, очищать от ереси. Тут нельзя церемониться: или они нас в яму, или мы их.

— Афанасий, Афанасий, — снова позвал брат Федул. — Неужто не слышишь?

— Нет.

— А я слышу. Чудный хор, ангельские голоса. Как чисто поют, сладко выводят. Ничего в жизни красивее не слышал!

— Да ты спишь, поди, брат Федул. Во сне и видишь не кошное.

— Не-е-ет, не сплю. Знаешь, что сие означает, Афанасий?

— Блазнится тебе всякое, с перепугу или от слабости.

— Не-е-ет, это ангелы за мной пришли. Видно, пробил мой час.

— Не гневи Бога, брат Федул.

— Да разве так его прогневишь? Хочу рассказать тебе что-то. Послушай...

Его голос заглушило скрежетание ключа. Дверь с пронзительным скрипом отворилась. Рыжий свет факела показался Афанасию ярче солнца. Он зажмурился.

— А ну, поднимайтесь, — раздался голос надсмотрщика. Того самого, что каждый день приносил узникам по куску хлеба и кринке тухлой воды.

— Этого первым, — надсмотрщик пнул Афанасия сапогом в бок. — Ошейник разомкни, а руки-ноги не трогай. Так добредет. Вставай, вставай, лихоимец!

Афанасий прищурился и сел. Кто-то грубо повернул его голову, задрав вверх и вбок, щелкнул замок, и шее сразу стало легче. Афанасий повертел головой и поднялся на ноги. Глаза привыкли к свету. Факел осветил каменное узилище с зелеными от сырости стенами, охапку слежавшейся вонючей соломы, на которой он провел несколько дней, коричневую рясу брата Федула, скрючившегося у противоположной стены.

Стражник в суконном синем полукафтани подошел к брату Федулу и одним рывком поднял его на ноги.

— Пошто рожу прячешь? — усмехнулся стражник, размыкая ошейник. — Стыдно, небось, за паскудство? Да стыдом уже не отделаешься. Кровушкой будешь рассчитываться, кровушкой!

Брат Феdul, сухонький, тщедушный — в народе таких иеусиками кличут, — еле стоял на ногах. Оковы на его тоненьких запястьях казались огромными.

— Я перед Богом чист, — твердо произнес он. — А кровью меня пугать не нужно. Вся моя кровь принадлежит Всевышнему. Он ее дал, он и возьмет, если понадобится.

— Красиво поешь, — хмыкнул надсмотрщик с факелом. Его губы блестели от недавно умятого куса сала, а мохнатые брови шевелились, точно огромные гусеницы. — Ничо, колода уже готова, вот на ней заголосишь по-настоящему.

Идти оказалось сложно. Ноги и руки, занемевшие от долгого лежания, с трудом отходили. Узилище помещалось в подвале монастырской башни, узников сначала вывели на первый этаж, просторное помещение со стрельчатыми окнами-бойницами, а затем пинками направили к лестнице.

Дневной свет, вольный и чистый, казался дивным подарком после мрака подземелья. До сих пор Афанасий и предположить не мог, будто столь простая и привычная вещь может превратиться в подарок, благословение Божие.

«А ведь свет и вправду благословение, — подумал Афанасий. — Нет света — нет жизни. Как просто и как очевидно! Почему это раньше на ум не приходило?»

Стражник в синем полукафтани, шедший первым, наклонил голову и нырнул в темный провал, ведущий на лестницу. Камни низкого потолка были закопчены дочерна, ступени выщерблены, а стены до блеска отполированы рукавами. За стражником по узкому проходу еле тащился брат Федул; Афанасий, успевший прийти в себя, поддерживал его спину. От рясы Федула несло кишечной вонью и сыростью. Надсмотрщик с факелом замыкал шествие, то и дело ради забавы поднося факел к ногам Афанасия. Пламя обжигало, но Афанасий молчал.

«Эх, — думал он, — мне бы только оказаться без кандалов. Оружия не понадобится, эту ленивую подлую сволочь я голыми руками уложу».

Поднимались долго, лестница неспешно вилась вокруг башни, а бойницы, оставленные строителями для света и воздуха, почему-то были замурованы. Брат Федул часто останавливался и переводил дыхание. Его лицо покрыли мелкие бусинки пота, сверкавшие в неровном свете факела, грудь тяжело вздымалась.

— Да ты не жилец! — мрачно заметил стражник в полукафтани. — Сам помрешь, без палача. Вот что с человеком ересь творит!

— Человек не есть Бог, — ответил брат Федул. — Только Он решает, кому жить, а кому умирать.

— Это ты так считаешь, — реготнул стражник. — А у нас решение сие в руки палача дадено.